

ЕЛЕНА КОНИЦКАЯ

Вильнюсский университет

Роль языковой экономии в образовании словенских фразеологизмов (в сравнении с русскими)

Фразеологизмы служат действенным средством лаконизации речи и, следовательно, экономии языковых средств. Роль языковой экономии во фразеологии проявляется как на синхроническом уровне (возникновение модификаций фразеологизмов, не нарушающих цельности фразеологизма и норм его использования), так и на диахроническом уровне (закрепляясь в языке, модификации могут превращаться в новые устойчивые выражения, включающиеся во фразеологический фонд). Эти процессы, хорошо изученные в русском языке, недостаточно исследованы в словенском. В статье рассматривается роль языковой экономии в образовании словенских фразеологизмов на фоне русской фразеологии; сопоставляются результаты действия принципа языковой экономии, отмечаются как сходства, так и различия в двух славянских языках.

Ключевые слова: словенская фразеология, русская фразеология, происхождение фразеологизмов, языковая экономия, эллипсис, имплицитность.

0.1. Понятие языковой экономии в словенском языкознании используется нечасто и в очень разных контекстах: напр., в исследовании стратегий речевого акта [Vitez 1999], универбализации составных наименований [Vidovič Muha 2009, 399], анализе семантических неологизмов [Žele 2009, 457] и др. В работах по словенской фразеологии sporadически рассматриваются явления, связанные с принципом языковой экономии: чаще других к ним обращается Э. Кржишник в своих исследованиях по проблемам модификаций фразеологических единиц (далее ФЕ), норме во фразеологии, культурологическим аспектам фразеологии, их отмечает много сделавший в области этимологии словенских ФЕ Я. Кебер; однако их исследования не обобщены, не выработаны основные схемы имплицитирования словенских ФЕ как результата действия принципа языковой экономии.

Э. Кржишник, анализируя славянскую и германоязычную фразеологическую терминологию, приходит к выводу, что различия в них обусловлены характером языков — ярко выраженной тенденцией к универбализации в немецком и английском и склонностью к раздельнооформленности в славянских языках [Kržišnik 2010, 86], что особенно важно при изучении многокомпонентных языковых единиц. Большая структурная близость русского и словенского языков может быть использована при исследовании особенностей словенской фразеологии в разных отношениях, в том числе и для исследования исторических изменений в области фразеологии.

В русском языкознании уже сложилась традиция анализа диахронических изменений в ФЕ с учетом принципа языковой экономии (см. далее). Изучение словенских фразеологизмов в этом аспекте, с привлечением данных русской фразеологии и выявлением общих и специфических черт этого процесса в отдельных славянских фразеологиях, может способствовать лучшему пониманию закономерностей диахронических изменений в словенской и — шире — славянской фразеологии.

Цель настоящей статьи — рассмотреть роль принципа языковой экономии и некоторые его проявления в словенской фразеологии, объясняющие появление новых ФЕ, опираясь при этом на работы русских лингвистов и сопоставляя данные русской фразеологии со словенской.

0.2. Принцип экономии¹, наряду со стремлением к расширению языковой структуры, является одним из двух основных тенденций, характеризующих коммуникацию, которые А. Мартине рассматривал как “постоянное противоречие между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность” [1963, 532–533]. Принцип языковой экономии является фактором, влияющим на синхронические процессы в коммуникации; вместе с тем его результаты могут закрепляться в языке в виде стабильных языковых явлений (единиц, конструкций и моделей).

В разработку данной проблематики большой вклад внесли ученые, исследовавшие диахронические процессы. А. Мартине объяснял действием языковой экономии фонетические изменения во французском языке [Мартине 1960]. А. Пауль в отдельной главе “Экономия языковых средств” своего труда “Принципы истории языка” отмечает: “В целом, однако, для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости. В соответствии с этой тенденцией в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат столько, сколько нужно для понимания. Количество используемых средств зависит от ситуации, речевого контекста и от большего или

меньшего сходства в духовном складе говорящих” [1960, 372]. Важно подчеркнуть мысль А. Пауля о социально-культурной обусловленности действия принципа экономии, что приобретает особое значение в исследованиях фразеологии, теснейшим образом связанной с культурной самобытностью языковых сообществ.

В русском языкознании принцип экономии обсуждался не раз. Ему придавал большое значение И.А. Бодуэн де Куртене. В.А. Богородицкий указывает на условия его реализации в синтаксисе: “тот или иной член предложения опускается, если он сам собою ясен, по условиям разговора” [1935, 218]; А.М. Пешковский конкретизирует это замечание: “Опускание того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляет норму для языка и объясняется законом всей нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил” [1956, 139].

Чаще всего о принципе экономии говорят в связи с эллипсисом и импликацией, при которых происходит сокращение компонентного состава языковой единицы. Эллипсис понимается как “нев्यраженность тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста” [Тестелец 2011]. Некоторые исследователи, говоря об эллипсисе, включают в него, наряду с зевгмой, также анафоризацию, ср. у Ж. Бастужи: “Эллипсис выражается в опущении элемента или в специфическом замещении (*substitution codée*), одним из видов которого является анафора” (цит. по [Ларькина]). Другим распространенным способом языковой экономии является импликация (= компрессия, конденсация, семантическое сжатие), проявляющаяся на всех уровнях языка; имплицитное содержание языковых единиц — это то содержание, которое прямо не воплощено в их узуальных лексических и грамматических значениях, но извлекается или может быть извлечено при его восприятии. Разница между импликацией и эллипсисом заключается в том, что “эллипсис восстанавливается однозначно, а импликация имеет вариативную интерпретацию” [Арнольд 1982, 86].

Принцип языковой экономии охватывает также область фразеологии. Как неоднократно отмечалось исследователями, он является ведущим при формировании ФЕ как средства лаконизации речи [Кочетков 1972, 25], оказывает воздействие на их дальнейшее функционирование, когда в результате стремления к языковой экономии (= достижению максимального коммуникативного эффекта минимальными языковыми средствами) ФЕ эллиптируются или подвергаются компрессии. Имплицитированные формы стабилизируются, стандартизируются и закрепляются во фразеологическом фонде языка: “первоначальные индивидуальные

речевые проявления принципа экономии постепенно «обкатываются» в языке, становятся устойчивыми, общеупотребительными и нормированными» [Мокиенко 1989, 100]. Таким образом, действие принципа языковой экономии проявляется как на синхронической, так и на диахронической оси; его условия — ситуативная и культурная общность коммуникантов. Для исследований в этой области важны понятия стабильной модели, трансформаций (видоизменений), стереотипизации.

В русском языкознании проблематика, связанная с возникновением ФЕ из единиц большей протяженности, возникла в конце XIX в. в трудах А.А. Потебни, впоследствии разрабатывалась Б.А. Лариным, В.В. Виноградовым, Н.М. Шанским, В.П. Жуковым, С.Г. Гавриным, И.В. Абрамцем, А.М. Бабкиным, Л.С. Паниной и др.

Одной из работ, в которой разные способы имплицирования в русской фразеологии анализируются наиболее полно, является широко известная книга В.М. Мокиенко “Славянская фразеология” (1980¹; 1989²). Для обозначения уменьшения числа компонентов ФЕ, понимаемого как диахронический результат действия принципа экономии, он использует термин *импликация* [1989, 96] и рассматривает следующие случаи: 1) превращение басни в поговорку, 2) трансформации поговорки во фразеологизм, 3) сжатие единицы большего объема (более полной формы ФЕ) в единицу меньшего объема, вплоть до универбализации. Предложенные им схемы имплицирования во фразеологии применимы и к материалу других славянских языков.

0.3. Научное изучение фразеологии началось в Словении в 70–80 гг. XX в.² Уже в первой статье из этой области Й. Топоришич, вводя в словенистику на основе работ русских фразеологов (В.В. Виноградова и Н.М. Шанского) основные понятия фразеологии, устанавливая группы ФЕ по степени семантической слитности компонентов и по частеречной функции, затронул вопрос появления минимальных ФЕ из многокомпонентных ФЕ, приводя в пример пары: *na lepem* ‘ни с того ни с сего’, досл. “на красивом”, и *na vsem lepem* ‘то же’, досл. “на всем красивом”; *po navadi* ‘обычно; по привычке’ и *po stari navadi* ‘по старой привычке’ [Топоришич 1973/4, 274–275].

В 80–90-х гг. на фоне уточнения основных понятий в русле новейших достижений славянской фразеологии с широким привлечением работ как чешских (Ф. Чермака), так и русских ученых (Н.М. Шанского, В.П. Жукова, А. И. Молоткова), разрабатывались вопросы нормы, типов модификаций ФЕ, вводилось понятие внутренней формы, этимологического значения. В это время начали накапливаться наблюдения над

исторически обусловленными изменениями ФЕ, которые можно связать с действием закона языковой экономии. Так, в рецензии на книгу Д. Мршевик-Радович о хорватской фразеологии Э. Кржишник высказывает замечания о диахронических изменениях в словенских ФЕ, приводит примеры универбализации так наз. словесных, или лексических фразеологизмов (по Ф. Чермаку) типа *svoje glav* ‘своеглавый’, досл. ‘своеголовой’ ← **delati po svoji glavi* ‘поступать своевольно’, досл. ‘делать по своей голове’, а также отмечает редукцию (сужение) ФЕ как такую модификацию формы пословиц, поговорок, афоризмов, при которой теряется референциальное значение исходной фразы, что приводит к изменениям в структуре исходных выражений, элиминированию конкретизирующих значение компонентов и появлению в результате новых ФЕ, приводя в качестве примера ФЕ *tih voda* ‘тихая вода’ ← *Tih voda bregove dere* ‘тихая вода рвет берега’, где сохраняется первая часть пословицы, целостное коннотативное значение и грамматические характеристики [Kržišnik 1990, 59–61]. В другой работе Э. Кржишник говорит об универбализации ФЕ, при которой глагольный компонент ФЕ вбирает в себя целостное значение выражения, напр.: *mlatiti* ‘молоть’ ← *mlatiti prazno slamo* ‘болтать’, досл. ‘молотить пустую солому’, рус. аналог *молоть языком*, ср. пример из “Словаря словенского языка” (далее SSKJ): *vedno mlati eno in isto* ‘вечно мелет одно и то же’ [1996, 148] (см. также [Kržišnik 1994, 58–60]).

Много наблюдений, связанных с действием принципа языковой экономии (главным образом в виде эллипсиса), сделано словенскими исследователями функционирования ФЕ в литературе, начиная с творчества протестантских писателей (XVI в.), в особенности же в произведениях конца XIX–первой половины XX вв., ср. отмеченные Ю. Ройсом примеры эллипсиса в прозе Й. Юрчича: *Ker mi ni bilo treba v potu [svoje ga obraza] služiti kruha...* ‘потому что ему не надо было в поте [лица своего] зарабатывать свой хлеб’, *Strela božja ga naj [zadene]!*, досл. ‘божья стрела пусть его [ударит]’, рус. аналог *разрази его гром*, и т.п. [Rojs 2008, 183].

Не менее важными являются многолетние этимологические исследования словенских ФЕ Я. Кебера. В 2003 г. вышел в свет пробный выпуск словаря словенской фразеологии [Keber 2003], а в 2011 г. — его же “*Slovar slovenskih frazemov*” [далее SSF], в котором словенская фразеология впервые представлена в большом объеме, в хронологическом, стилистическом, функциональном разнообразии, снабжена лексикографическими пометами и иллюстративным материалом из разных источ-

ников — от литературных текстов XIX в. до современных корпусных данных (рец. [Konička 2012; Коницкая 2012]). Статьи содержат также историко-этимологические комментарии, причем в некоторых указывается на роль эллипсиса в образовании ФЕ либо в виде словарной пометы *el.*, либо в объяснении происхождения. Материалы и комментарии SSF, а также SSKJ, сборника словенских пословиц и поговорок Э. Бойца (далее EB) и корпусов словенского языка Gigafida (далее GF) и Nova beseda (далее NB) позволяют обнаружить разные проявления языковой экономии при возникновении словенских ФЕ, сопоставить их с аналогичными процессами, изученными в русском языке, и таким образом определить роль принципа экономии в словенской фразеологии.

1. Басня → фразеологизм

1.1. Широко известны рассуждения И. Потебни о “сгущении” басни и пословицы в поговорку и далее во фразеологизм, объясняемое тем, что “все необходимое для объяснения выражения, сделавшегося пословицей, содержится у нас в мысли и может быть легко восстановлено” [Потебня 1976, 17]. В русском языке к ФЕ, возникшим на основе басен, относятся многочисленные фразеологизмы, связанные прежде всего с творчеством И.А. Крылова: *тришкин кафтан*, *демянова уха*, *а ларчик просто открывался*, *зелен виноград*, *воз и ныне там* и т. д. (все примеры из [СРФ]).

1.2. В словенском языке ФЕ, связанные по происхождению с баснями, имеют, как правило, общеевропейские, нередко античные истоки и появились в словенском языке, скорее всего, уже в виде заимствований, часто интернационализмов. Напр., ФЕ *ena lastovka še ne prinese pomladi*, рус. *одна ласточка весны не делает*, и *ena/prva lastovka*, рус. *аналог первая ласточка*, впервые отмеченные в словенском языке в 1860 г. у Цигале как заимствование из сербского языка [SSF, 452], являются результатом свертывания басни Эзопа; ФЕ *medvedja usluga*, рус. *аналог медвежья услуга*, отмеченная в словенском языке со времени после второй мировой войны, пришла в словенский язык, вероятно, из немецкого *Bärendienst*, зафиксированного с начала XX в. как вероятное заимствование из французского языка и связано по происхождению с басней Лафонтена *L'ours et l'amateur des jardins* [SSF, 1017, со ссылкой на Kürper'a]. В пояснениях к таким ФЕ Я. Кебер обращает внимание также на возможность заимствования из русского языка — из басен Крылова: напр., в пояснении к отмеченному с начала XX в. *napihovati se kot žaba* [SSF, 1118] ‘об изворотливом человеке’, досл. “надуваться как жаба”, читаем о происхождении ФЕ из басни Федра или Крылова

“Лягушка и вол”³. Таким образом, по отношению к словенскому языку нельзя говорить о появлении ФЕ в результате свертывания басни, однако можно ставить вопрос о времени заимствования в словенский язык ФЕ, сформировавшихся этим способом в других языках. Отсутствие таких ФЕ в словенском языке объясняется отсутствием в истории словенской литературы развитого басенного жанра.

Надо сказать, что басни — не единственный вид текстов, способствующий производству ФЕ путем свертывания. Как сгущение более широкого контекста могут трактоваться также ситуативные библеизмы, напр., интернациональные ФЕ рус. *Ноев ковчег*, *поцелуй Иуды* и слов. *Noetova barka*, *Judežev poljub* и др. Здесь интересно обратить внимание на ФЕ, отмеченные в словенском и неизвестные в русском языке, напр., *gledati kakor levi razbojnik* [SSF, 791] ‘злобно, мрачно смотреть’, досл. “смотреть как левый разбойник”. Изучение времени появления таких библеизмов представляет собой особую исследовательскую проблему.

2. Пословица → фразеологизм

2.1. В русском языке происхождение ФЕ из пословиц — известный факт, отмечаемый в литературе еще с конца XIX в. Много примеров таких ФЕ приводится в [Мокиенко 1989, 116–118]: *голод не тетка ← голод не тетка, пирожка не подсунет; хлопот полон рот ← хлопот полон рот, а перекусить нечего; губа не дура ← губа не дура, язык не лопата: знают, что горько, что сладко; собака на сене ← как собака на сене лежит*; а также в [Байрамова, Томилина 2011, 146–149]: *баба с возу ← баба с возу, кобыле легче; руки марать ← грязью играть — руки марать*; в других исследованиях: *с миру по нитке ← с миру по нитке, голому рубаха (веревка)* [Бабкин 1964, 27]; *мелко плавать ← мелко плавать, дно задевать* [ФСРЯ, 386]; *чудеса в решете ← чудеса в решете — дыр много, а вылезть некуда* [Шанский 1985, 106]; *кто во что горазд ← кто во что горазд, тот тем и промышляет (тот в то и играет)* [СРФ, 128] и мн. др. Сокращаться может либо инициальная, либо финальная части, хотя чаще происходит опущение второй части и фразеологизация первой (см. приведенные примеры), что связано со стремлением сохранить “образ” пословицы, находящийся, как правило, в первой части, тогда как вторая часть является своеобразной расшифровкой ее смысла [Мокиенко 1989, 117].

В основе ФЕ может лежать либо фрагмент пословицы с сохраненными грамматическими формами, либо ее часть — отрезок речи, в котором формы или их комбинация отличаются от форм в исходной пословице [Панина 2010, 22]; первый случай (обычный эллипсис, зевгма) иллю-

стрируют приведенные выше примеры, второй случай (собственно импликация) — пример *držati jezik za zubi* ← *jesti piroge s gribami*, *a jezik drži za zubi* [Байрамова, Томилина 2011, 147].

В русской фразеологии отмечаются случаи распада пословицы на две ФЕ, напр.: *streljani vrb* и *na jarki ne boš* ← *streljan vrb na jarki ne boš* [Д. Рылов, со ссылкой на Е.Н. Ермакову]; *žuravlj v nebo* и *sinica v rokah* ← *ne suji žuravlj v nebo*, *a dai sinicu v roki* [Байрамова, Томилина 2011, 148] и др.

2.2.1. Сжатие пословиц во ФЕ известно также словенскому языку, где отмечаются как уже устоявшиеся результаты, так и активное формирование новых выражений. Эти процессы можно проследить на примерах из GF, отражающих стадии появления словенской ФЕ *kovačeva kobila* [SSF, 349] ‘об отсутствии у производителя/изготовителя продуктов его деятельности’, досл. “лошадь кузнеца” ← *Kovačeva kobila je vedno bosa*, досл. “лошадь кузнеца всегда без подков”, рус. аналог *сапожник без сапог*:

(0) Исходная форма пословицы:

Pravijo, da je kovačeva kobila vedno bosa. Povem vam, da tudi sama bolj skrbim za druge kot zase., досл.: “Говорят, что лошадь кузнеца всегда без подков. Скажу вам, что и я больше забочусь о других, чем о себе”; *In kot pravi star pregovor, da je kovačeva kobila vedno bosa, Cesare Paciotti v svojem ustvarjanju najbolj redko pomisli nase.*, досл.: “И, как говорит старая пословица, что лошадь кузнеца всегда без подков, Цезаре Пачиотти в своем творчестве реже всего думает о себе.”

(1) Собеседнику/читателю предлагается досказать, дополнить пословицу на основе своей общекультурной компетенции:

Je že tako, da je kovačeva kobila..., досл.: “Так уж есть, что лошадь кузнеца...”. <...> *prej nismo vedeli, za Žanove načrte pa sploh ne. Saj veste, kovačeva kobila...*, досл.: “<...> мы раньше не знали, а о планах Жана вообще не догадывались. Вы же знаете, лошадь кузнеца...”.

(2) Пословица редуцируется до сохранения опорного образа, об имплицитности говорит указательное местоимение *tisi* ‘тот’; пословица вводится “намекательно”⁴:

Po tisti o kovačevi kobili je Računsko sodišče celo v ministrstvu za finance pri pregledu računovodskega sistema in notranjih kontrol poslovanja v letu 1995 ugotovilo, da so bili pomanjkljivi, kar povečuje tveganje, da podatki v računovodskih izkazih in poročilih ne bodo pravilno izkazani., досл.: “По той <пословице> о лошади кузнеца, Экономический суд даже в министерстве финансов при ревизии бухгалтерской системы и внутреннего контроля деятельности в 1995 г. выявил недостатки, из-за чего увеличивается риск, что

данные в бухгалтерских справках и отчетах указаны неправильно.”; *Tista o kovačevi kobili torej drži tudi pri Telekomu <...>*, досл.: “Эта <пословица> о лошади кузнеца верна и в отношении Телекома <...>”.

- (3) Следующий этап — редукция пословицы до номинативного ядра с одновременным введением союза *kot* ‘как’ (апелляция к имеющемуся в памяти коммуниканта полному варианту пословицы) и перевода в группу сравнительных оборотов:

Knjižničarka bo ugotovila, da je izposodila prav vse pesnikove knjige in da je zdaj res kot kovačeva kobila, saj je ravno ona tista, ki si pred večerom ne more osvežiti spomina., досл.: “Библиотекарь обнаружит, что выдала читателям все до одной книги поэта и сейчас она как лошадь кузнеца, ведь именно она оказалась той, которая перед <поэтическим> вечером не может освежить в памяти <стихи поэта>”.

- (4) Завершающий этап — появление номинативной ФЕ *kovačeva kobila*⁵, в которой, как и во всех ФЕ подобной структуры, могут меняться падежные формы:

Birdovo moštvo ni kovačeva kobila, saj je dobilo včerajšnji derbi vzhodne konference proti Orlandu prav zaradi natančnega kaznovanja nasprotnikovih osebnih napak, досл.: “Команда Бирда не лошадь кузнеца, ведь она выиграла во вчерашних соревнованиях восточной конференции против Орланда как раз благодаря точному штрафованию личных ошибок противника”; *Prepričan sem, da če agencija za odnose z javnostmi nima ustvarjalnega potenciala in zanimivih zamisli, potem ni dobra agencija. In če si že za svoje naročnike izmišljujemo vedno nova in nova poslovna darila, zakaj ne bi enkrat za spremembo naredili nekaj posebnega tudi za kovačevo kobilo, torej našo agencijo*, досл.: “Я уверен, что если у агентства по связям с общественностью нет творческого потенциала и интересных идей, то это плохое агентство. И если мы все время выдумываем для своих заказчиков все новые и новые деловые подарки, почему бы однажды для разнообразия не сделать что-нибудь для лошади кузнеца, то есть нашего агентства”.

2.2.2. К уже устоявшимся в словенской фразеологии относятся упоминавшееся выше выражение *tiha voda*⁶ ‘тихий человек’, “тихая вода”) ← *Tiha voda bregove dere*, досл. “тихая вода подмывает берега”, рус. аналог *в тихом омуте черти водятся*; *garjava ovca*, рус. аналог *паршивая овца* ← *Ena garjeva ovca vso čredo oskruni* [ЕБ, 122] “одна паршивая овца все стадо испортит”; *velika riba* [SSF, 809] ‘важное лицо’, досл. “большая рыба”, рус. аналог *большая птуща* ← *Velike ribe male žro* “большие рыбы малых жрут”; *po toči zvoniti* [SSF, 976] ‘слишком поздно начать действовать’, досл. “звонить после грозы” ← *Po toči zvoniti je prepozno*, “после грозы звонить слишком поздно”, рус. аналог *после*

драки кулаками не машут; žena hlače nosi [SSF, 1129] ‘о командующей в семье жене’, досл. “жена носит штаны” ← *Kjer žena hlače nosi, mož redko dobro kosi* “где жена носит штаны, там муж редко хорошо косит” (см. в [Kržišnik 2008a, 34] о следующей стадии редукции *nositi hlače* ← *žena/ona hlače nosi*). Словенские ФЕ могут возникнуть при закреплении в языке редукции как финальных, так и инициальных или медиальных компонентов, однако, как и в русских ФЕ, чаще опускается финаль, см. примеры.

Приведенную выше схему преобразований ФЕ под действием принципа языковой экономии подтверждают сравнительные ФЕ, напр.: *kot slepa kura [zrno]* ‘наугад, бездумно’, досл. “как слепая курица [зерно]” ← *Tudi slepa kura zrno najde* [SSF, 439] “и слепая курица зерно найдет”.

В словенском языке, как и в русском, при сжатии могут происходить также более глубокие преобразования пословицы, выражающиеся в сокращении компонентов и изменении грамматических форм, напр.: *tuliti z volkovi* [SSF, 1051] ‘вынужденно принимать образ жизни (обычно предосудительный) окружающих’, досл. “выть с волками” ← *Kdor se z volkovi družī, mora z njimi tuliti* [EB, 117] “кто с волками общается, должен с ними выть”, рус. аналог *с волками жить, по-волчьи выть; imeti pod palcem* ‘иметь деньги, быть богатым’, досл. “иметь под большим пальцем” ← *Kdor ima pod palcem groš, ta je mož* [SSF, 657] “у кого под большим пальцем грош, тот <настоящий> мужчина”; *ne gledati v zobe* ‘не обращать внимания на недостатки случайного подарка’ ← *Podarjenemu konju se ne gleda v zobe* [SSF, 1106], рус. *дареному коню в зубы не смотрят*.

В словенском материале не обнаружено расщепления пословицы на две ФЕ; единственным примером можно считать формулу *oko za oko, zob za zob*, рус. аналог *око за око, зуб за зуб*. Порядок следования пар в словенском выражении варьируется, и частотность обоих вариантов довольно высока: GF для *oko za oko, zob za zob* дает 89 примеров, для *zob za zob, oko za oko* — 53 примера. В SSF приводятся две семантически равноценные ФЕ — *oko za oko* [633] и *zob za zob* [1110], при этом невозможно сказать, результатом редукции какой части (инициальной или финальной) они являются.

2.3. Сопоставление русских и словенских ФЕ, являющихся результатом сжатия пословиц, показывает, что самый распространенный тип импликации в обоих языках — сохранение первой части пословицы с отсечением второй ее части, что объясняется двумя причинами: с одной стороны, “намекательным” характером действия принципа языковой

экономии (начало пословицы вызывает в памяти коммуниканта — члена данного культурного сообщества ее полную форму, ср. у Б.А. Ларина о “сигнальном фрагменте” [1977, 141]), с другой стороны, стремлением передать образ как самую важную часть пословицы, содержащуюся в начале. Память о целостном языковом выражении может исчезнуть довольно быстро под влиянием разных факторов, среди которых важное место занимает стереотипизация эллиптированного выражения. Возникшая под действием закона о языковой экономии ФЕ, абстрагируясь от более конкретного содержания, заключенного в пословице, становится емкой формулой процессов и явлений внеязыковой действительности.

3. Фразеологизм большей протяженности → фразеологизм меньшей протяженности

3.1. В русской фразеологии среди процессов свертывания ФЕ в выражения меньшего объема можно выделить два типа: 1) уменьшение объема, т. е. линейной протяженности ФЕ без нарушения синтаксических связей между компонентами; 2) уменьшение объема ФЕ с нарушением синтаксических связей в конструкции.

3.1.1. Имплицирование ФЕ с помощью сокращения числа компонентов исходной ФЕ подобно свертыванию пословиц, но отличается большей формальностью преобразований; часто отмечается затемнение внутренней формы и утрата первоначальной мотивировки при сохранении общей семантики [Мокиенко 1989, 120]; при свертывании ФЕ опускаются менее образные и экспрессивные компоненты, нередко носящие пояснительный или дополняющий характер, напр.: *лыка не вяжет* ← *язык лыка не вяжет*; *не по карману* ← *дорого не по карману*; *к слову* ← *сказать к слову*; *разбить в пух* ← *разбить в пух и прах*, *как рукой* ← *как рукой сняло* и др. [там же, 121]. Примеры показывают, что довольно часто редуцируется первая часть, хотя эллипсис пояснительного или распространяющего компонента возможен в любой части ФЕ.

3.1.2. В словенском языке появление ФЕ как результата сокращения ФЕ расширенного состава осуществляется похожим образом. Как и в русском языке, обычно эллиптируются пояснительные компоненты, что может вести к затемнению внутренней формы ФЕ, напр.: *posipati se s pepelom*, досл. “посыпать себя пеплом”, рус. аналог *посыпать свою голову пеплом* ← *posipati si glavo s pepelom* [SSF, 673], досл. “посыпать свою голову пеплом”; *biti pod pepelom* ‘существовать в скрытом виде, не обнаруживаясь’, досл. “быть под пеплом” ← **biti kot žerjavica pod pepelom* [SSF, 673]⁷ ‘то же’, досл. “быть как угли под пеплом”; *kot bi trenil* ‘в мгновение ока’, досл. “как будто мигнул” ← *kot bi trenil z očmi*

[SSF, 988] ‘то же’, досл. “как будто мигнул глазами”. Иногда компонент — важная составная часть внутренней формы утрачивается в связи с утратой денотата: так, появление ФЕ *gledati kot čuk* ‘обиженно, сердито смотреть’, досл. “смотреть как филин”, объясняется Я. Кебером как эллипсис охотничьего по происхождению ФЕ *gledati kot čuk na palici* ‘то же’, досл. “смотреть как филин на палке”: филина на охоте привязывали к палке в качестве приманки [SSF, 143]. Можно заметить, что и без утраченного компонента ФЕ является довольно прозрачной (у филина из-за строения головы всегда сердитый вид), хотя внутренняя форма меняется. В других случаях устраняется мотивирующий ФЕ компонент, получивший сегодня другие коннотации: в исходном для ФЕ *ne priplavati po juhi* выражении *ne priplavati po prežgani juhi* [SSF, 311] ‘быть умным, сообразительным’, досл. “не приплыть по пережженной похлебке” (рус. аналог *не лыком шит*) содержится сочетание *prežgana juha* ‘похлебка определенного вида’, которая метонимически указывает на простоту, безыскусность, неприязнательность: эту быструю по приготовлению похлебку готовят из пассированной муки, в которую добавляется вода, затем её кипятят с приправами и вбивают яйцо; сейчас такую похлебку рекомендуют в качестве блюда здоровой пищи. Утрата важного для формирования образа компонента не меняет общего значения ФЕ, но делает выражение более загадочным и поэтому более экспрессивным (ср. с приводимым В.М. Мокиенко парадоксальным примером областного ФЕ *do žizni* ‘до смерти’, возникшего в результате редукции ФЕ *do grobovye žizni* [1989, 120–121]).

Формальные видоизменения отмечаются в возникших при свертывании глагольных ФЕ в номинативные, напр., в вышеприведенном *voda na mlin* [SSF, 1054] ‘быть на руку кому’ ← *speljati vodo na svoj mlin* ‘лить воду на свою мельницу’, а также *sršenje gnezdo* ‘опасное, неприятное место’, досл. “гнездо шершней”, рус. аналог *осиное гнездо* ← *dregniti v sršenje gnezdo* [SSF 232–233], досл. “сунуть палку в гнездо шершней”, рус. аналог *разворошить осиное гнездо*.

При устранении компонентов исходной ФЕ выражение становится более абстрактным, а его значение более обобщенным. Примером может служить *bob ob steno*, досл. “боб в стену”, рус. аналог *gorox в стенку* ← *bob ob steno metati*, досл. “боб в стену метать”, где исходное выражение на основании примеров определяется как ‘напрасно, безрезультатно говорить, приказывать и под.’ ([Коницкая 2012, 82]; в [SSF, 86] приводится другое значение: ‘напрасно трудиться’), тогда как редуцированная ФЕ имеет более широкое значение ‘о напрасных усилиях в каком-л. деле’, напр.:

Sami so najemali strokovnjake z nazivi mag., univ. dipl. ekonomist... Ko so mi dali prav, naenkrat niso bili več ,kompetentni'. Sama sem jim nosila listine o moževi plači, dokazila, da v njegovem podjetju niso odpustili niti enega delovodja. Nosila sem račune, celo takšne, koliko stanejo kontaktne leče za otroka, koliko šolske potrebščine, koliko športni treningi. Vse je bilo bob ob steno (GF). “Мы сами нанимали специалистов со степенями маг., дипломированный экономист... Как только они со мной согласились, тут же перестали быть «компетентными». Я сама им носила документы с данными о зарплате мужа, справки, что на его предприятии не уволили ни одного делопроизводителя. Носила счета, даже такие, сколько стоят контактные линзы для ребенка, сколько — школьные принадлежности, сколько спортивные тренировки. Все было напрасно”.

Как в русском языке, в словенском возможно появление двух ФЕ в результате эллипсирования либо первой, либо второй части ФЕ, напр.: *iti rakom žvižgat* [SSF, 446], досл. “идти свистеть ракам”, и *iti žabam gost* [там же, 1118], досл. “идти играть жабам” ← *iti rakom žvižgat in žabam gost* ‘пропасть, умереть’⁸; вновь возникшие ФЕ сохраняют целостное значение исходного выражения, но между собой конкурируют: второе выражение в современном языке встречается редко (GF дает нулевой результат), из приводимых в SSF примеров самый новый относится к 1969 г. (I. Bratko, “Dekletov dnevnik”), следующий пример — из словенского перевода 1949 г. хорватского романа о крестьянской жизни XIX в.; другие примеры относятся к 1923 г. и 1921 г., что еще раз подтверждает большую распространенность усечения первой части выражения.

3.2.1. Характерным для русской фразеологии является такое сворачивание многокомпонентной ФЕ, при котором имплицитируются дополнения (существительные), а определяющие их прилагательные или местоимения сохраняются и субстантивируются, напр.: *братъ свое, безо всяких, смотреть в оба* [Мокиенко 1989, 121]; *узнать всю подноготную, пускаться во все тяжкие, кричать во всю ивановскую, прокатить на вороних, отправиться на боковую, ехать на долгих* и т. д. [там же, 103]. Опущенный компонент иногда легко восстанавливается по лексическому окружению, напр., компонент *глаза* в *смотреть в оба*. В других случаях, при непрозрачной форме ФЕ, компонент восстанавливается в ходе историко-этимологического анализа и не вызывает споров, напр., в ФЕ *пускаться во все тяжкие* предполагается эллипсис лексемы *колокола*⁹ [СРФ, 579]. Иногда, в силу недостатка исторических данных, выдвигается несколько версий: напр., во ФЕ *кричать во всю ивановскую* фразеологи предполагают пропуск одной из трёх форм: 1) *площадь*, 2) *улицу*, 3) *силу, мочь* [СРФ, 223–225].

3.2.2. Для словенской фразеологии также характерно опускание субстантива в многокомпонентных ФЕ, напр.: *pogledati z belim* ‘посмотреть

побелевшими глазами’, досл. “посмотреть белым”, *ne reči ne bele ne črne* ‘промолчать’, досл. “не произнести ни белой, ни черной”, *požreti marsikatero grenko* ‘молча выслушать обидные слова’, досл. “проглотить много горьких”, *ne v peto ne v šesto* ‘безразлично’, досл. “ни в пятое, ни в шестое”, *strela z jasnega* ‘неожиданно, внезапно’, досл. “молния с ясного”; *huda/tenka/slaba/tesna prede komu* ‘находиться в тяжелых жизненных обстоятельствах’, досл. “злая/тонкая/плохая/тесная прядет кому”, *zaradi lepšega* ‘для проформы’, досл. “ради лучшего” и др. (все примеры из SSF).

Так же, как в русском языке, установить пропущенное существительное в некоторых случаях довольно легко, если это подсказывается семантикой окружающих лексем, напр., в *pogledati z belim* [SSF, 62]¹⁰ восстанавливается лексема *oko* ‘глаз’, что подтверждают корпусные данные, относящиеся к разным периодам, напр.: *Ali je bil res z belim očesom pogledal skozi špranjo mojega srca?* (NB) “Действительно ли он посмотрел побелевшими глазами сквозь щель в мое сердце?” (1912 г.); *Zamenjala sem noč za dan, podnevi sem spala in kdaj pa kdaj grdo pogledala z belim očesom* (GF) “Я перепутала день и ночь, днем спала и время от времени смотрела побелевшими глазами” (2005 г.).

Достаточно легко восстанавливается по контекстному окружению лексема *beseda* ‘слово’ во ФЕ *ne reči ne bele ne črne* [SSF, 62] (ср. приводимые Кебером *črna beseda* “черное слово”, *bela beseda* “белое слово”¹¹). Та же лексема опущена, видимо, и в ФЕ *požreti marsikatero grenko* [SSF, 245]. Я. Кебер допускает две возможности происхождения ФЕ: из *požreti grenko pilulo* “проглотить горькую пилюлю” или из **požreti grenko besedo, žaljivko, očitek* “проглотить горькое слово, оскорбление, упрек”, причем указывает на незафиксированность второго. Между тем в GF отмечены выражения со словом *beseda*, часто содержащие местоимение *marsikater* ‘много’: *Zaradi tega sem marsikatero grenko besedo požrl* “Из-за этого я проглотил много горьких слов”; <...> *morajo požreti številne grenke besede* “<...> должны проглотить много горьких слов”; а также: *Za to je moral požreti marsikatero pikro besedo* “За это он должен был проглотить много горьких слов”; <...> *ne morejo požreti žaljivih besed* “<...> не могут проглотить обидных слов” и т.д. Выражение *požreti besede* в значении ‘проглотить обидные слова’ известно в словенском языке уже с XVI в., ср. отмеченное Э. Кржишник: *de on sa volo hishe mora takove beffede poshréti* (Sir 29, 28) [Kržišnik 2009, 260]. Метафора «слово — еда» известна многим народам, в том числе и славянским, ср. в русском языке: *глотать слова, каша во рту* и т.д. Сказанное позволяет

с большей вероятностью восстанавливать в исходном выражении лексему *beseda*, чем *pilula*.

Если контекстное окружение не позволяет восстановить утраченный компонент, это делается на основе языковых данных: многие словенские ФЕ, возникшие в результате действия принципа экономии, функционируют наряду с исходными ФЕ большей протяженности, напр., *ne biti pri čisti* ‘быть не в своем уме’, досл. “не быть при чистой”, где восстанавливается компонент *pamet* [SSF, 137], ср.: *dokaz, da niso vsi pri čisti pameti v tej državi* (GF) “доказательство, что не все в своем уме в этом государстве”.¹²

При минимальном контексте ФЕ и отсутствии параллельно существующих расширенных ФЕ опущенный компонент может быть установлен лишь при обращении к текстам и словарям старшей поры, напр., лексема *koleno* ‘колено; поколение’ в ФЕ *ne v peto ne v šesto* с учетом приведенного в словаре словенского языка Й. Глонара (1936 г.) выражения *ni mi ne v peto ne v šesto koleno* ‘мне безразлично’, досл. “мне ни в пятое, ни в шестое колено” [SSF, 688].

В истории отдельных ФЕ могут происходить процессы как сужения, так и расширения состава, возможны также синонимические замены, что показывает ряд словенских прагматических ФЕ *tristo kosmatih*, досл. “триста косматых” — *tristo kosmatih medvedov*, досл. “триста косматых медведей” — *tristo hudičev* “триста чертей”, рус. аналог *сто чертей!*. Рассматривая ФЕ *tristo kosmatih medvedov* и указывая, что медведь является символом силы, Я. Кебер выдвигает три версии происхождения и развития ФЕ: 1. *tristo kosmatih medvedov* → *tristo kosmatih* или → *tristo medvedov*; 2. **tristo [kosmatih] hudičev* → *tristo kosmatih*; 3. **tristo [kosmatih] hudičev* → *tristo kosmatih medvedov* [SSF, 510]. Есть все основания предполагать для ФЕ *tristo kosmatih medvedov* исходное *tristo hudičev* или *tristo vragov*¹³, с последующим расширением: → *tristo hudičev/vragov kosmatih*, ср. в SSKJ *tristo vragov kosmatih, zelenih* “триста чертей коматых, зеленых”. Использование различных эпитетов как средство повышения отрицательной экспрессии известно в словенском языке, напр.: *vraga kosmatega*, досл. “черта косматого”, рус. аналог *черта лысого*; то же отмечает в русских говорах В.М. Мокиенко [1989, 134]. Дальнейшее развитие ФЕ связано с финальным эллипсисом: → *tristo kosmatih*; затем состав ФЕ расширяется за счет введения существительного *medved* на основании привычной для словенцев атрибутивной связи, ср.: *kosmat kot medved* ‘лохматый как медведь’ (механизм введения подобен отмеченному в русском языке введению слова *грехи* в ФЕ *пуститься во все тяжкие*, см. в примечании 10). Примечательно,

что наряду с компонентом *kosmat*, в ФЕ факультативно отмечается *zelen* ‘зеленый’, являющийся в словенском сознании атрибутом нечистой силы: *Nisem nobena ljuba coprnica, tristo zelenih vragov!* (GF), досл. “Я никакая не дорогая колдунья, триста зеленых чертей!”; в вариантах ФЕ возможны названия не только медведя, но и кота (помимо косматости, отличающегося еще и связью с нечистой силой): *Tristo zelenih mačkov, je vzkliknil Lambergar, v avtobusu sem pozabil fotoaparat* (GF), досл. “Триста зеленых котов, воскликнул Ламбергар, я забыл в автобусе фотоаппарат” и др. Таким образом, в истории этой группы ФЕ можно видеть действие обеих тенденций — как экономии языковых средств, так и противоположной тенденции их увеличения.

Еще более сложной является история ФЕ *huda/slaba/trda prede komu* [SSF, 987], где форма прилагательного свидетельствует об эллипсисе. Кебер объясняет ФЕ исходя из одного из значений глагола *presti* ‘прясть’: ‘жить в плохих условиях’, напр.: *po očetovi smrti jima je začelo presti* (SSKJ) ‘после смерти отца дела у них пошли плохо’ (= досл. “им начало прясть”). Но появление этого значения у глагола, по-видимому, связано с универбализацией ФЕ, ср. с приведенными на стр. 123 примерами из [Kržišnik 1996, 148]. Более реалистичной кажется версия, связанная с первым, основным значением глагола, а также с выражением *presti niti človekove usode* ‘прясть нить судьбы человека’. М. Менцей в статье о символике прядения в фольклоре приводит записанный Равникаром в XIX в. на Гореньском рассказ о *соеницах*, одна из которых начинает прясть нить жизни человека, вторая продолжает, третья — перерезает ее [Mencej 2010, 160]. Фольклорный рассказ согласуется с предположением об архаичности исходного выражения, сохранившегося лишь в виде “осколка”. Версия Я. Кебера об исходном **trda usoda* ‘суровая судьба’, **trdo življenje* ‘суровая жизнь’, **trde razmere* ‘суровые условия’ вызывают сомнения, поскольку в архаичной ФЕ следует предполагать более конкретное наполнение. В этой связи уместно привести отмеченное Плетершником *huda roka* ‘левая рука’ [Pleteršnik I, 284]. Сказанное позволяет выдвинуть две версии исходной ФЕ: 1. **huda sojenica prede komu* и 2. **huda roka prede komu*. Под действием принципа экономии языковых средств (а, возможно, и синтаксической эвфемизации) внутренняя форма полностью затемнилась, но сама ФЕ остается экспрессивным языковым средством, не потерявшим своей общей семантики.

3.3. В словенском языке есть тип ФЕ, возникший в результате тенденции к экономии и отсутствующий в русском языке — это выражения с анафорической клитикой, уже давно привлекающие внимание лингвистов. В [Kržišnik 2005, 162] часть из них, представляющая мини-

мальные ФЕ, разделена на пять семантических групп: (1) ‘быстро перемещаться’: *pobrisati jo, primahati jo, ubrati jo*; (2) ‘выкидывать глупые шутки’: *kronati ga; lomiti ga*; (3) ‘пить алкогольные напитки, быть пьяным’: *nalesti se ga; čutiti ga; imeti ga pod kapo, to smo ga*; (4) ‘избивать/получать удары, быть избитым’: *naložiti jih*; (5) ‘ругаться, обзывать/быть обруганным’: *slišati jih, dobiti jih; iskati jih, napeti jih* и др. Есть и другие ФЕ такого рода, не входящие в эти группы, напр.: *imeti jih [polno] za ušesi* [SSF, 1104] ‘быть хитрым’, *zasoliti jo komu* (SSKI) ‘доставить неприятности’ и под. В этих выражениях, составляющих специфику словенского языка, довольно отчетливо восстанавливаются существительные, репрезентируемые клитиками: в первой группе это *pot* ‘дорога’, во второй — *norec, terec* ‘дурак’, в третьей — *vino* ‘вино’ или *žganje* ‘крепкий алкогольный напиток’, в четвертой *udarci* ‘удары’, в пятой — *hude besede, kletvice, psovke* ‘грубые слова, ругательства, упреки’ (см. комментарии в SSF). Анафоризация в таких ФЕ, представляющая собой один из видов эллипсиса, объясняется тем, что для словенского языка является значимой более расщепленная в семантическом отношении структура [Topolińska 1989, 102], что подтверждается выводами Я. Орешника [Orešnik 1992, 72] о невозможности анафоризации в предложении, не открывающем позиции аргумента (об анафоризации в словенском языке (см. также: [Uhlířova 1991; Коницкая 2000]).

Выводы

Фразеологизмы служат действенным средством экономии языковых средств. Роль принципа языковой экономии во фразеологии ярко проявляется на диахроническом уровне в появлении новых устойчивых выражений, включающихся во фразеологический фонд языка. Закономерности имплицирования, хорошо изученные на материале русского языка в работах В.М. Мокиенко и других ученых, позволяют рассмотреть роль принципа экономии в словенской фразеологии на фоне русской и сопоставить результаты его действия. Проанализированные ситуации свертывания пословиц во фразеологизмы и фразеологизмов большей протяженности во фразеологизмы меньшей протяженности показали сходство процессов имплицирования в двух славянских языках. Сходство проявляется в распространенности возникновения фразеологизмов путем отсечения финальной части выражения (пословицы или фразеологизма более широкого компонентного состава), напр., слов.: *Kovačeva kobila je vedno bosa* → *kovačeva kobila*, ср. русск. *кто во что горазд, тот тем и промышляет* (<тот>в то и играет) → *кто во что горазд*. В обоих языках могут эллиптироваться разные состав-

ные компоненты устойчивого выражения, напр., слов. *posipati si glavo s pepelom* → *posipati se s pepelom*, *speljati vodo na svoj mlin* → *voda na mlin*, рус. *дорого не по карману* → *не по карману*, *разбить в пух и прах* → *разбить в пух* и др. В обоих языках устранение (эллиптирование) компонента может привести к затемнению внутренней формы фразеологизма, напр., слов. *gledati kot čuk na palici* → *gledati kot čuk* или *ne priplavati po prežgani juhi* → *ne priplavati po juhi*. В обоих языках отмечено имплицирование дополнений с сохранением их определений во фразеологизмах, приводящее к появлению структур с нарушенной синтаксической связью, напр., слов. *ne reči ne bele ne črne, ne imeti treh čistih, huda/tenka/slaba/tesna prede (komu), ta pa je lepa/grda* и т.д.; рус. *безо всяких, наша взяла, и никаких, прокатить на вороных* и т.д., Отдельным случаем проявления тенденции к языковой экономии можно считать анафоризацию, представленную в словенском языке в выражениях типа: *ima ga pod kapo* ‘быть пьяным’, досл. ‘иметь его под шапкой’, *pobrisati jo* ‘убежать’, досл. ‘почистить ее’, *dobiti jih* ‘быть избытым’, досл. ‘получить их’.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Принцип языковой экономии (= экономия языковых средств, закон экономии сил, лингвистическая экономия, закон языковой экономии, тенденция к экономии), под которым понимается “стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин в изменения языка” [СЛГ], интенсивно обсуждается как один из основных механизмов языкового развития со второй половины XIX в. Его изучению как в общетеоретическом плане, так и в его проявлениях в конкретных языках посвящено множество работ, в том числе и в русской лингвистике. Мнения ученых относительно синхронической и диахронической отнесенности процессов различны, см. [Патюкова 2011; Занина 2008; Головач 2011] и др.

² Общий обзор развития словенской фразеологии до нач. XX в. см. [Кебер 2000, 85–91]; достаточно полная библиография по словенской фразеологии представлена в [SSF, 14–26].

³ Интересно, что Я. Кебер отмечает связь фразеологизма с русской басней [SSF, 1118], тогда как во фразеологическом фонде русского языка аналогичный фразеологизм не отмечен.

⁴ Идея принципа намекания, разрабатываемая А.А. Поликарповым в динамической модели эволюции языковых знаков, удовлетворяющей принципу “наименьшего действия”, сформулирована в [Поддубный, Поликарпов 2012, 106–107] следующим образом: “Каждый знак может быть многозначным, вырабатывая в своей истории или получая в наследство от производящего слова определенный набор значений <...> На основе повторяемости части признаков и возможно эвристическое ассоциативное возбуждение (выбор) соответствующего значения знака при возбуждении одного из

смыслов данной смысловой области, предназначенного к «передаче» (у отправителя сообщений) и, обратно, эвристическое возбуждение (выбор) сначала соответствующего значения, а потом и возбуждение (выбор) соответствующего смысла после правильного выбора значения полученного знака при «приеме» (у получателя сообщений). Успешность этих намекательных операций и операций догадки базируется на общности апперцепционной базы общающихся, что создает определенный уровень избыточности их общей смысловой системы и ведет к возможности успешного употребления ими намека и догадки в ходе общения”.

⁵ О модели эллиптирования в русском языке: *как мокрая курица* → *мокрая курица*, *как нож в сердце* → *нож в сердце* см. [Мокиенко 1989, 122].

⁶ Кебер при объяснении этой ФЕ указывает на возможность влияния немецкого *stille Wasser* “тихая вода” [SSF, 1045]. Примеры использования ФЕ показывают, что в ее значение факультативно входит сема ‘чреватость неожиданными проявлениями’, напр.: *Znana si kot tiha voda, toda ko eksplodiraš, je boljše, da ni nikogar v tvoji bližini* (GF), досл. “Тебя знают как тихую воду, но когда ты взрываешься, лучше, чтобы рядом с тобой никого не было”. Появление этой семы связано с пословичным “прошлым” фразеологического выражения.

⁷ В словенских корпусах зафиксированы примеры, позволяющие выдвинуть иное, чем предложено в SSF, исходное выражение, а именно: *biti žerjavica pod pepelom*, ср.: *Pod pepelom je torej bila vroča žerjavica med dvema mariborskima razvojnima agencijama* (NB), досл. “Значит, под пеплом были горячие угли между двумя мариборскими агентствами по развитию”; *Pogovor bo odkril, ali je pod pepelom še kaj žerjavice* (GF), досл. “Разговор откроет, есть ли под пеплом сколько-нибудь углей”.

⁸ Другой вариант исходного выражения — *iti rakom žvižgat in ribam gost*, досл. “идти ракам свистеть и рыбам играть”, также дает в редких случаях “сколок” ФЕ в виде *ribam gost*, отмеченный лишь в текстах к XIX–нач. XX вв., напр.: *Pojte ribam gost s tistimi vašimi bogovi, ki že nihče za-nje ne mara* (1912, P. Bohinjec).

⁹ Возможны и случаи последующего после эллиптирования преобразования ФЕ — его расширение путем ввода существительного, что можно объяснить стремлением к восстановлению обычной синтаксической конструкции; так, в приведенной ФЕ появляется существительное *grehi*, напр.: *koгда он* (русский человек — Е.К.) *vidim po odnosu k sebi вопиющую несправедливость, у него опускаются руки и он готов пуститься во все тяжкие grehi* (Интернет).

¹⁰ В SSF приводится данная ФЕ без указания на эллипсис; дается толкование *pogledati z beločnico* ‘посмотреть побелевшими глазами’ и не указывается фразеологическое значение, отмеченное в SSKJ: *pogledati z belim* — *z beločnico; jezno* “посмотреть побелевшими глазами (досл. *белком*); сердито”, ср. пример из GF: *Sem kar z belim pogledal, koliko je bilo politega in razbitega* “У меня просто глаза побелели, сколько было всего разлито и побито”. Следующая стадия развития ФЕ — появление не отмеченного в словарях номинативного выражения *beli pogled* ‘о взгляде взбешенного человека’, напр.: *Zbudi se Matej in z belim pogledom vpraša: »Spet Anita?«* (GF) “Проснулся Матей и гневно спросил: Опять Анита?”.

¹¹ Первое сочетание отмечено как для XIX, так и для XX–XXI вв., напр.: *A blagi knez* <...> *izpregovoril ni besede črne* <...> (NB: Cankar). “А милостивый князь не

проговорил ни слова худого (досл. черного)”, второе отмечено один раз в примере из Й. Юрчича (XIX в.).

¹² Установленные ранее закономерности редуцирования второй части дают возможность объяснять сокращение исходной ФЕ без предположений о синтаксической эвфемизации (другая позиция в [SSF, 137]).

¹³ Слов. *hudič/vrag/bes*, как и рус. *черт/бес*, широко используется в экспрессивных выражениях, ср. слов.: *bes te plentaj, vrag te pocitraj* ‘бес/черт тебя возьми’, *pojdi hudiču v rit* ‘иди к черту в зад’ и др. Относительно хронологии вариантов можно заметить, что в NB примеры с *tristo vragov* (8) отмечены с XIX в., тогда как самый старший пример употребления *tristo hudičev* датируется XX в. Предположение Я. Кебера, что ФЕ *tristo kosmatih vragov* образована “po vzorcu tristo kosmatih medvedov” [SSF, 1061] ‘по образцу триста косматых медведей’, представляется необоснованным.

СЛОВАРИ. КОРПУСЫ

СРФ = Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: *Словарь русской фразеологии*. Историко-этимологический справочник. С.-Петербург.

СЛТ = Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976: *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва. Доступ в Интернете: <http://www.intruderalarms.sebastopol.ua/interpretators/slovar-spravochnik-lingvisticheskikh-terminov-d.e.-rozental-m.a.-telenkova-m.-1976> (10.02.2013).

ФСРЯ = Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М., 2000: *Фразеологический словарь русского языка*. Москва.

ЕВ = Војс Е., 1974¹, 1980², 1987³: *Pregovori in reki na Slovenskem*. Ljubljana.

Pleteršnik M., 2006: *Slovensko-nemški slovar*. Transliterated izdaja. Ljubljana (Ljubljana: Littera picta). T.1, 2.

SSF = Keber J., 2011: *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: ZRC SAZU.

SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1998.

GF = Gigafida: Korpus slovenskega jezika (Projekt: Sporazumevanje v slovenskem jeziku). Доступ в Интернете: <http://demo.gigafida.net/> (10.10.2012).

NB = Nova beseda. Besedilni korpus slovenskega jezika. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU/ Laboratorij za korpus slovenskega jezika. Доступ в Интернете: http://bos.zrc-sazu.si/a_about_si.html (12.10.2012)

ЛИТЕРАТУРА

Абрамцев И.В., 1969: К вопросу об эллипсисе фразеологических единиц, in *Актуальные проблемы лексикологии*: Тез. докл. лингв. конф. Вып. 2. Ч. 2. Новосибирск.

Арнольд И.В., 1982: Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения, *Вопросы языкознания*, № 4. 79–86.

Бабкин А.М., 1964: *Лексикографическая разработка русской фразеологии*. Москва–Ленинград.

- Байрамова Л.К., Томилина Г.Я., 2011: Аббревиация пословиц как средство образования русских фразеологизмов, *Вісник Запорізького національного університету: Філологічні науки*, № 2, 2011. 146–150.
- Богородицкий В. А., 1935: *Общий курс русской грамматики*. Москва–Ленинград.
- Гаврин С.Г., 1973 Эллиптические устойчивые сочетания как категория фразеологии, *Вопросы фразеологии и лексики русского языка*. Учен. зап. Перм. Гос. пед. ин-та. Т. 121. Пермь.
- Головач О.А., 2011: Принцип экономии в лингвистике, *Вектор науки ТГУ*, № 3(17). 137–139. Доступ в Интернете: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media67250/30Golovach.pdf (2013.04.05).
- Занина А.Н., 2008: Теория экономии языковых усилий: к истории вопроса, *Вестник Твгу*. Серия: Филология (13). 165–171.
- Коницкая Е., 2000: Об одной особенности эллипсиса в словенском и русском языках, *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra 48 (2))*. 135–136.
- Коницкая Е.М., 2012: Некоторые проблемы словенской фразеологии (к выходу в свет первого фразеологического словаря словенского языка Янеза Кебера, *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra 57 (2))*. 77–94.
- Кочетков А. К., 1972: Компрессия речи и фразеологизация, *Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та*. Очерки по русскому языку. Т. 116. Воронеж, 25–29.
- Ларин Б.А., 1977: Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов), in Б.А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание*. Москва, 125–149.
- Ларькина А.А., 2009: О лингвистических исследованиях эллипсиса во французском языке, *Вестн. Челяб. гос. ун-та: Филология. Искусствоведение*, вып. 29, № 5 (143). 67–72. Доступ в Интернете: <http://www.lib.csu.ru/vch/143/012.pdf> (25.02.2013).
- Мартине А., 1960: *Принцип экономии в фонетических изменениях*. Москва.
- Мартине А., 1963: Основы общей лингвистики, in *Новое в лингвистике*, вып. 3. Москва.
- Мокиенко В. М., 1986: *Образы русской речи*, Ленинград.
- Мокиенко В. М., 1989: *Славянская фразеология*. Москва (1980¹).
- Панина Л.С., 2010: Образование фразеологических единиц на базе пословиц словаря В.И. Даля, in: *Далевское литературоведение*. Вып. 2., часть 2. Луганск, 15–29.
- Патюкова Р.В., 2011: Образный контент в аспекте речевой компрессии: диахронический вектор (XVIII–XXI вв.), *Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология*, вып. 1 (13). 27–31.
- Пауль Г., 1960: *Принципы истории языка*. Москва.
- Пешковский А.М., 1956: *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Поддубный В.В., Поликарпов А.А., 2011: Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков, *Компьютерные исследования и моделирование*, т. 3, № 2. 103–124.
- Потебня А.А., 1976: *Из лекций по теории словесности* (Эстетика и поэтика). Москва.

- Рылов Д.: *Структурное и семантическое взаимодействие фразеологизмов и паремий в истории русского языка*. Доступ в Интернете: http://calabaha.narod.ru/idiomy_paremii.htm (12.03.2013).
- Тестелец Я.Г., 2011: *Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы*. Доступ в Интернете: http://antonzimmerling.files.wordpress.com/2011/11/testelelets_turpmorphagram_handout_2011.pdf (10.03.2013).
- Шанский Н. М., 1972: Деривация слов и фразеологических оборотов (К вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования), in *Русское и славянское языкознание*. Москва, 300–308.
- Шанский Н.М., 1985: *Фразеология современного русского языка*. Москва.
- Keber J., 2000: Raziskovanje slovenske frazeologije — sedanje stanje in zasnova frazeološkega slovarja, *Jezikoslovni zapiski*, št. 6. Ljubljana, 81–116.
- Keber J., 2003: *Frazeološki slovar slovenskega jezika : poskusni zvezek*. Ljubljana.
- Konicka J., 2012: Prvi slovenski frazeološki slovar, *Jezikoslovni zapiski*, 2012 (2), št.18. Ljubljana, 73–89.
- Kržišnik E., 1990: Teoretično zanimiva knjiga iz frazeologije, *Slavistična revija*, 38, št. 1 (1990). Ljubljana, 57–64.
- Kržišnik E., 1994: Frazeologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja, in *XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Zbornik predavanj. Ljubljana, 53–67.
- Kržišnik E., 1996: Norma v frazeologiji in odstopi od nje v besedilih, *Slavistična revija*, 44, št. 2. Ljubljana, 133–154.
- Kržišnik E., 2005: Frazeologija v luči kulture, in Stabej M. (ur.), *Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Zbornik predavanj 41. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 67–81.
- Kržišnik E., 2008: Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot, *Jezik in slovstvo*, 53 (2008), št. 1., Ljubljana, 33–47.
- Kržišnik E., 2009: Jezikovno izražanje konceptualne metafore *BESEDA JE ...* v besedilih 16. stoletja, *Slavistična revija*, 56/57, št. 2008-4, 2009-1. Ljubljana, 253–267.
- Kržišnik E., 2010: Idiomatica beseda ali frazeološka enota, *Slavistična revija*, 58/2010, št. 1. Ljubljana, 83–94.
- Mencej M., 2010: Simbolika niti in predenja v evropski folklori, *Studia mythologica slavica*, 13. 151–170.
- Orešnik J., 1992: *Udeleženske vloge v slovenščini*. Ljubljana.
- Rojs J., 2008: Frazeologija v prozi Josipa Jurčiča, *Jezikoslovni zapiski*, 14/1. Ljubljana, 171–187.
- Topolińska Z., 1989: O pewnej osobliwej słowiańskiej konstrukcji prowerbalnej, *Slavisticzna revija*, 1–3. Ljubljana, 97–102.
- Toporišič J., 1973/4: K izrazju in tipologiji slovenske frazeologije, *Jezik in slovstvo*, 19/8. Ljubljana, 273–279. (расширенный вариант: Toporišič J., 1982: K izrazju in pojmovanjam slovenske frazeologije, in Toporišič J., *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana, 361–370).

- Uhliřova L., 1991: Slovanske slovosledne izoglosy, in *Problemy teoretyczno-metodologiczne badañ konfrontatywnych języków słowiańskich*. Warszawa, 101–115.
- Vidovič Muha A., 2009: Izrazno-pomenska tipologija poimenovanj, *Slavistična revija*, 55/2007, št. 1–2. Ljubljana, 399–408.
- Vitez P., 1999: Od idealnih jezikovnih struktur k strategiji realnega govora, *Slavistična revija*, 47, št. 1. Ljubljana, 23–48.
- Žele A., 2009: Enojezični slovarji – sledenje pomenskosti besed oz. Kaj in kako pravi raba, in *Infrastruktura slovenščine in slovenistike* (= Obdobja 28). Ljubljana, 457–461.

E-mail: jelkon@gmail.com

Апрель 2013 г.

JELENA KONITSKAYA

**Role of the economy principle in language
in the Composition of Slovenian phraseologisms
(compared with those in Russian)**

Phraseologisms serve as a telling resource of economy of language features. The role of the economy principle in language, in its phraseology, appears at the synchronic level (derivation of modifications of phraseological units) and at the diachronic level (derivation of new stable expressions incorporated into the stock of phraseology). The paper deals with the diachronic aspect of the problem. The results of compression (ellipsis, implication) caused by the economy principle in language (in phraseology) have been studied rather well in the Russian language (e.g., works of V. Mokiyenko and others), however, insufficiently in the Slovenian language. The paper comprises an analysis of the role of the economy principle in the composition of Slovenian phraseologisms against the background of the Russian phraseology; a comparison of the effect of the economy principle in language, both the similarities and differences in these two Slavic languages are pointed out. The similarities appear in the derivation of phraseologisms through elimination of the final part of expression (proverbs or phraseologisms of a broader component structure), e.g., *Kovačeva kobilica je vedno bosa* > *kovačeva kobilica*, in comparison with the Russian *кто во что горазд, тот тем и промышляет (тот в то и играет)* > *кто во что горазд*. Different constituents of a stable expression may turn elliptic in both languages, e.g., the collocation *posipati si glavo s pepelom* > *posipati se s pepelom, speljati vodo na svojo mlin* > *voda na mlin*, рус. *дорого не по карману* > *не по карману, разбить в пух и прах* > *разбить в пух* etc. In both languages, elimination (ellipsis) of a constituent may cause fogging of the inner form of phraseologisms; e.g., the collocation *gledati kot čuk na palici* > *gledati kot čuk; ne priplavati po prežgani juhi* > *ne priplavati po juhi*. Implication of additions in phraseologisms, leading to the derivation of structures with a broken syntactic relationship, is noted in both languages; e.g., Russian

безо всяких, наша взяла, и никаких, прокатить на вороных, etc., the collocation *ne reči ne bele ne črne, ne biti pri čisti, huda / tenka / slaba / tesna prede (komu), tristo kosmatih medvedov / hudičev* etc. Forward pronominalisation may be considered as a separate case of the manifestation of the economy principle in a language, noted in expressions such as *ima ga pod kapo* ('быть пьяным', literatim "иметь его под шапкой"), *pobrisati jo* ('убежать', literatim "почистить ее"), *dobiti jih* ('быть избитым', literatim "получить их"). The paper covers the sight of different possibilities of explaining of the derivation of Slavic expressions taking into account the role of the economy principle in language.